

О. Н. Заикина

О параметрах комплексного анализа семантической категории (на примере концепта «Луна» в русском языке)

УДК 80.081

В статье освещаются параметры комплексного анализа семантических категорий. Выявление релевантных дифференциальных признаков концепта – это основные вехи авторской методики, которая позволяет устанавливать концептуальный статус понятия и выявлять концептуализированные части семантических полей.

Ключевые слова: *параметр, комплексный анализ, концепт, семантическая категория, луна, символизация, синонимия, внутренняя форма слова, ценность, диахроническая константа, номинативная плотность.*

O. Zaikina. The parameters of complex analysis of semantic category (concept 'Moon' as an example)

The article is devoted to the parameters of complex analysis of semantic categories. The identification of relevant differential signs of the concept are the main steps of author's methods, which helps to establish conceptual status of notion and determines the conceptual parts of semantic fields.

Key words: *Parameter, complex analysis, concept, semantic category, moon, symbolization, synonymy, internal word form, value, diachronic constant, nominative density.*

В современной науке о языке одной из животрепещущих тем последних лет является филологический концептуализм. Написано немало статей и монографий, посвященных дифференциальным признакам концепта, его сущности и методам выявления. Однако методики концептуального анализа довольно разнообразны (причина кроется в многомерности концепта как сложного ментального образования) и сводятся к описанию слоев и компонентов концепта (В. И. Карасик, Н. А. Красавский, С. Г. Воркачев). Концепт характеризуется опреде-

ленным набором дифференциальных признаков, выявление и описание которых позволит упорядочить методику анализа концептов. При этом концептуальный анализ должен быть усилен приемами других методик, поэтому важным моментом становится определение параметров такого комплексного анализа.

Изучение лингвистической литературы по данному вопросу и наблюдение над концептами «Луна», «Солнце», «Заря» и др. позволяют утверждать, что концепт характеризуется следующими дифференциальными признаками, выявление которых становится параметрами комплексного анализа: 1) синонимическая плотность концептуализированной части семантического поля в наивно-бытовой картине мира, 2) наличие стилистических синонимов и разработанных лексических парадигм, 3) живая внутренняя форма, 4) разветвленная система значений и разнообразный характер номинации, 5) функционально-стилевая освоенность, 6) высокая деривационная активность, 7) диахроническая константность, 8) связь с фольклорными темами, сюжетами, прецедентными текстами, 9) частотность употребления, 10) тематическая активность, 11) сохранность средств номинации и 12) синтагматическая значимость, 13) номинативные движения от конкретного к абстрактному, в том числе путем символизации значений.

На наш взгляд, выделение главного признака концепта и установление иерархии его дифференциальных признаков практически невозможно и, более того, нецелесообразно, поскольку одного признака, как и параметра сопоставления, явно недостаточно для безошибочной идентификации концепта и понятия. Как правило, концепту свойственны все или практически все из перечисленных выше признаков. Так, понятие 'луна' является концептом в русском языке и культуре. Синонимический ряд с доминантой **луна** представлен десятками лексем (*месяц, ночное светило, Диана, Геката, Луцина, Селена, Цинтия, полумесяц, серп, рог, диск, царица ночи (нощи)*), слова *луна* и *месяц* обладают очень богатой адъективной сочетаемостью, луна является темой произведений устного народного творчества, мифов, литературы, искусства; не подчиняется данный концепт и законам логики: в научной картине мира **луна** одна и выступает как спутник, в языковой же (наивно-бытовой) – это ночное небесное светило, представленное двумя своими ипостасями (луна и месяц), кроме того, данное понятие является диахронической константой языка и культуры примерно с X века.

Опишем каждый дифференциальный признак концепта подробнее.

Признак «ценности» концептуального понятия для носителя языка был впервые предложен В. И. Карасиком (активно данное на-

правление развивается в работах его учеников Е. В. Бабаевой, Н. А. Красавского, Г. Г. Слышкина и др.). Ученый разграничил языковую и ценностную картины мира, указав, что «в ценностной картине мира существуют наиболее существенные для данной культуры смыслы, ценностные доминанты, совокупность которых и образует определенный тип культуры, поддерживаемый и сохраняемый в языке» [9:5].

Важнейшим объективным показателем и сигналом актуальности того или иного понятия для конкретного сообщества является **номинативная плотность**, т. е. «детализация обозначаемого фрагмента реальности, множественное вариативное обозначение и сложные смысловые оттенки обозначаемого» [9:133]. Ценным для человека является только то, что играет существенную роль в его жизни и потому получает многостороннее обозначение в языке. Как нам представляется, более точным термином было бы выражение «синонимическая плотность» как характеристика концептуализированной части семантического поля. Кроме того, на наш взгляд, плотность номинации нельзя считать универсальным признаком концепта, поскольку высокая плотность не всегда указывает на концептуальный статус понятия. Наблюдения показывают, что членимость понятий в науке не указывает на их концептуальный статус, соответственно, признак синонимической плотности становится релевантным лишь при членении наивно-бытовой картины мира. Ср.: *звезды-гиганты, звезды-карлики, двойные, кратные, переменные звезды* – терминологические обозначения типов светящихся газовых шаров, т. е. звезд в научной картине мира – и *светила ночные, небесные лампадки, озимый сев, пчелки, мотыльковый рой, мухи, горох, пшеница, картошка, горсть виноградин, спелый барбарис* – перифрастические и метафорические наименования звезд в наивно-бытовой картине мира.

Концептуальное понятие глубоко укореняется в языке и культуре народа и поэтому является **диахронической константой** и языка, и культуры, поэтому Ю. С. Степанов считает, что «концепты представляют собой в некотором роде «коллективное бессознательное» ...общества...» [15:283]. Исторический период зарождения и функционирования концепта определяется фиксацией вербализующего его слова (слов) в словарях и литературных памятниках.

Существование в течение длительного исторического периода (Э. Бенвенист, Ю. С. Степанов) тесно связано со свойством концепта сохранять на протяжении своего диахронического развития корневые морфемы, которое было описано Н. А. Красавским [11]. Необходимость учитывать морфемный состав слова, особенно семантику аффиксальных средств, при концептуальном анализе отмечает

А. Вежбицкая [6:77]. Мы предлагаем обозначить данные дифференциальные признаки как индекс сохранности корневых морфем и наличие словообразовательных компонентов, а параметр комплексного анализа определить как **степень сохранности средств номинации**.

Возможность изучения концептов через изучение **внутренней формы** их имен подчеркивается многими учеными (Карасик, Красавский, Токарев). Внутренняя форма является средством вербализации смысла концепта. А. А. Потебня указывал, что внутренняя форма является «центром образа, одним из его признаков, преобладающим над остальными» [13:125]. Г. В. Токарев считает, что внутренняя форма является результатом процесса языковой категоризации, «редуцируя массу признаков, она облегчает обобщение однородных явлений, избранный признак является своеобразной этикеткой всего значения, стоящей за ним реалии, а значит, указывает на то, как она отражается, понимается сознанием говорящих на данном языке» [17:94].

Важнейшим свойством внутренней формы, особенно важным для процесса концептуализации понятия, является ее мотивированность. Мотивированность позволяет интерпретировать внутреннюю форму, обнаружить устойчивые и значимые для носителя языка признаки наименования понятия, поскольку мотивированность является результатом апперцепции человеческой психики – обусловленности каждого конкретного восприятия предыдущим опытом человека, при этом в образе, по мысли А. А. Потебни, «отпечатывается то, что человеку кажется непосредственно истинным и действительным» [13:127].

Степень прозрачности внутренней формы указывает на ценность того или иного явления для носителя языка и, соответственно, на его концептуальный статус: единицы языка, вербализующие концепты, как правило, имеют живые внутренние формы, которые представляют все значение языковой единицы. Однако этот признак нельзя считать универсальным, поскольку затемнение или забвение внутренней формы может быть вызвано не только снижением ценностного статуса обозначаемого языковой единицей явления, но и «усложнением понятия», «сменой культурной парадигмы, в которой была порождена данная внутренняя форма» [17:96]. «Мертвые внутренние формы уже не объясняют то или иное явление, а хранят память о его интерпретации» [17:97].

Изучение внутренней формы имени концепта тесно связано с установлением его **этимологии** и **языковой проекции**. Многие концепты имеют прямую языковую проекцию. «Языковые проекции концептов позволяют обнаружить не только картину мира, лингвистически освоенный мир, но и своеобразие способа освоения мира. Известно, что в основу номинации обычно кладется только один реле-

вантный признак, по которому восстанавливается вся совокупность обозначаемого предмета. В этом состоит принцип означивания, языкового кодирования информации о многомерном мире» [9:148]. «Говоря о внутренней форме концепта, мы обращаемся к имени концепта, устанавливаем этимологию соответствующего слова» [9:150].

Концепты вербализуются различными с точки зрения **номинации** (прямыми и косвенно-номинативными) и **структуры** (расчлененными и нерасчлененными) языковыми единицами. Как правило, концепты имеют **расчлененную систему значений** и фразеологически связанные значения, то есть необходимо отделять единицы с прямономинативным значением, с переносным, фразеологические единицы, паремии, составные наименования с прямономинативным значением.

Характер номинации накладывает отпечаток на сочетаемость концепта. На наш взгляд, необходимо различать свободную и фразеологическую сочетаемость слов, вербализующих концепты. С точки зрения лексического состава сочетаемость концептов характеризуется богатством, разнообразием и непредсказуемостью. **Богатство лексической номинации концептов** объясняется стремлением носителей языка описать концептуализированные понятия со всех сторон.

Важным релевантным признаком концепта является сочетаемость ключевых слов, вербализующих концепт, то есть **синтагматическая значимость**. В. И. Карасик указывает, что информационный потенциал слова «выявляется в более или менее широком контексте через сочетаемость слова» [9:57]. Н. Ф. Алефиренко сочетаемостные свойства слов отнес к проявлению их синтагматических значимостей [2:56]. Распространители концептов отражают особенности интерпретации явлений, обозначенных ими.

В связи с тем, что концепт является понятием, представляющим ценность для носителей языка, он выражается разнообразными языковыми средствами, главным образом синонимами, антонимическими оппозициями. Таким образом, один из ведущих признаков концепта – это **наличие разработанных лексических парадигм**.

На признак наличия синонимов у концепта указывают многие ученые [4:5; 17:176–188], однако при этом не разграничиваются их типы. На наш взгляд, синонимия в нерасчлененном виде не годится как релевантный признак для определения концепта, поскольку идеографические синонимы, как правило, указывают на низкий концептуальный статус понятия. В современной лексикологии принято различать семантические (идеографические) и стилистические синонимы. Семантические синонимы отличаются оттенками значения, стилистические синонимы, обозначая одно и то же явление действительности,

имеют разную сферу употребления или различную стилистическую окраску. Ср.: *луна* (нейтр.) и *Диана, Селена, Цинтия* (поэт.); *заря* (нейтр.) и *денница* (поэт.), *Аврора* (поэт.), *зорька* (разг., народно-поэт.). Среди стилистических синонимов выделяются подгруппы: 1) по сфере употребления (нейтральные – книжные – разговорные и просторечные; общеупотребительные – диалектные, профессиональные, жаргонные); 2) по экспрессивно-стилистической окраске (нейтральные, общеупотребительные – поэтические, народно-поэтические, просторечные); 3) по степени активности употребления (активные – устарелые, новые).

Сопоставим несколько синонимических рядов, доминантами которых являются как концептуализированные, так и неконцептуализированные понятия:

Бог, божество, верховное существо, творец, создатель, господь (бог); боженька (*ласк.* или *ирон.*); всевышний, всемогущий, вседержитель (*высок.*) [1:29];

Воспоминания, мемуары, записки [14:73];

Любовь ('любовная связь, любовные отношения'), роман (*разг.*), шашни (*разг.*), шуры-муры (*прост.*), амуры (*устар.*), интрига (*разг.*), интрижка (*разг. -пренебр.*) [14:221];

Мораль, нравственность, этика [14:237];

Смерть, конец; околеванец (*прост. шутл.*), летальный исход (*книжн.* и *мед.*), кончина, последний (или смертный) час (*высок.*), скончание (*устар. разг.*), преждевременная или насильственная гибель, крышка кому (*разг.*), капут кому, каюк кому, карачун кому (*прост.*) [1:408];

Судьба, судьбина (*устар., нар.-поэт.*), рок (*приподн.*), фатум (*книжн.*), фортуна [1:565].

В представленных выше рядах единицы синонимических рядов с доминантами *бог, любовь, смерть, судьба* вербализуют соответствующие концепты, чего нельзя сказать о синонимических рядах с доминантами *воспоминания, мораль*, которые состоят только из идеографических синонимов. Данные понятия «не вызывают интерес» у носителей языка, поскольку носитель языка не считает нужным закрепить то или иное слово за определенным стилем или контекстом, усилить интенсивность проявления качества (действия, признака) – единицы нейтральны. Синонимические ряды с доминантами *бог, любовь, смерть, судьба*, наоборот, включают в свой состав стилистические синонимы (*роман* (*разг.*), *шашни* (*разг.*), *шуры-муры* (*прост.*), *амуры* (*устар.*), *интрига* (*разг.*), *интрижка* (*разг.-пренебр.*); *судьбина* (*устар., нар.-поэт.*), *рок* (*приподн.*), *фатум* (*книжн.*); *скончание* (*устар.*

разг.), *крышка* (разг.), *каюк* (прост.)), что является свидетельством «ярко выраженного интереса» у носителей языка к данным понятиям.

Таким образом, релевантным признаком концепта является **наличие только стилистических синонимов**.

Концепты обнаруживают тесную **связь с фольклорными темами, сюжетами, прецедентными текстами**, находят **отражение в паремиологическом фонде языка** [15; 9; 17]. Значительное число паремиологических единиц, которые являются ценностно маркированными суждениями, на определенную тему свидетельствует об актуальности этой темы для ценностной картины мира данного этноса.

Кроме того, концепты находят свое выражение в произведениях литературы и искусства: живописных полотнах, произведениях музыки, архитектуры, скульптуры. К примеру, концепт «Луна» является темой многих стихотворений, картин, «Лунной сонаты» Л. Бетховена, образ луны запечатлен в скульптурах древнегреческих богинь, которые олицетворяли ее собой. Т. Е. Евсюкова [7:12] предлагает обозначать данное явление термином «**индекс интертекстуальности**», понимая под этим частотность случаев рефлексивного обсуждения концептов в текстах культуры. Нам представляется более логичным назвать данное свойство термином «**индекс тематической активности**», поскольку интертекстуальность предполагает обращение к творчеству предшественников, а мы имеем дело лишь с тематической распространенностью концепта в произведениях литературы и искусства.

Важную роль для определения концептуального статуса понятия играют его параметрические характеристики: **частотность употреблений, круг ассоциаций, индекс межъязыковой коррелятивности**.

Т. Е. Евсюкова оперирует термином «ксено-индекс» [7:12], который характеризует единицы извне с позиций иных культур как культурно-специфические для данной культуры, то есть оценка культурно-значимого явления со стороны. Мы предлагаем обозначить данное явление термином «**индекс межъязыковой коррелятивности**», то есть синонимическая плотность номинации понятия в родном языке на фоне других языков (чужая культура или культуры становятся фоном для выявления национальных концептов). Одной из характеристик концепта является его диахроническая константность, соответственно, следует ожидать, что корни, описывающие эту идею, сохраняются и в других родственных языках, а наличие таких коррелятов подтверждает, в свою очередь, наличие этих корней.

В. И. Карасик указывает, что определенные смысловые образования оцениваются в той или иной лингвокультуре как относящиеся к высокому либо нейтральному, либо сниженному регистру общения

[9:133]. Слова, вербализующие концепты, обнаруживают закреплённость за определёнными функциональными стилями речи, мы предлагаем обозначать данное свойство концепта термином **«функционально-стилевая освоенность концепта»**.

Среди множества потребностей человека есть одна, резко отличающая его от животных, – потребность в символизации. Человек живет не просто в физической среде, он живет в символической вселенной. Мир символов, в котором он жил на заре своей истории, задавался ритуалами, знание которых определяло уровень овладения культурой и социальную значимость личности, поэтому символы не существуют сами по себе, а являются продуктом человеческого сознания.

Термин «символ» вызывает множество сложных и противоречивых толкований в науке, однако, по мнению А. А. Тахо-Годи и А. Ф. Лосева, этот термин «сохранил удивительным образом на протяжении тысячелетий ясность и прозрачность своего первоначального, исходного значения» [16:329]. «Греческое *symbolō* – глагол, указывающий на совпадение, соединение, слияние, встречу двух начал в чем-то одном, и *symbolon* как результат этой встречи и этого соединения, как указание на них, как знак этого единства, при всей очевидности и простоте своей семантики очень далеки от того символа, который лишен этой всем доступной наивности и связан с представлениями каждого о чем-то загадочном, таинственном и даже мистическом» [16:329].

Термин «символ» по-разному понимается литературоведами и лингвистами. Так, О. Н. Емельянова в энциклопедическом словаре-справочнике «Культура русской речи» определяет символ как «образ, тяготеющий к многозначности и сохраняющий в тоже время свое прямое значение» [8:616]. Ю. М. Лотман пишет, что символ выступает как бы «семиотическим конденсатором», «он посредник между синхронией текста и памятью культуры», «между семиотической и внесемиотической реальностью» [12:160].

Следует также выделять языковые и речевые (индивидуально-авторские) символы. Языковые символы порождаются в процессе эволюции и функционирования языка. Такие символы имеют мифологическую, а точнее архетипическую природу. Так, *радуга* для русских – символ надежды, благополучия, мечты, она имеет явно выраженное позитивное значение, что находит соответствующее отражение и в языке: *радужные мечты, радужное настроение, радужные надежды, луч света* – символ надежды (*последний лучик надежды*), *звезда* – символ счастья, судьбы или Красной Армии и советского государства (*звезда пленительного счастья, звезда путеводная*), *искра*,

костер символизируют *чувство* (*костер чувств, искра любви*), *полумесяц* – символ мусульманства и союза Красного Креста и Красного Полумесяца, *заря* символизирует начало чего-то нового (*заря жизни, заря эмиграции*), *свет* – символ *учености, знаний* (*ученье свет, а неученье – тьма*) и т. д.

Для нашего понимания символа принципиальным является соотнесение символа с содержанием передаваемой им культурной информации: символ заключает в себе обобщенный принцип дальнейшего развертывания свернутого в нем содержания, т. е. может рассматриваться как специфический фактор социокультурного кодирования информации и одновременно – как механизм передачи этой информации, по словам А. А. Тахо-Годи, «символу «не дозволено» говорить ясно», «он возвещает не иначе, как таинственным образом» [16:359].

Символ не имеет адресата: он обращен ко всем носителям языка. Символ как бы наращивается на прямом значении соответствующего слова, не заменяя и не видоизменяя его, но включаясь при этом в широкий культурный контекст. «...Появление всякого символа возможно лишь через переосмысление и модификацию уже существующих знаковых отношений между различного вида эмпирическими сущностями» [10:107], до символа нужно возвыситься, вырасти [5:88]. **Символизация значения** является важным релевантным признаком концепта и, соответственно, параметром комплексного анализа.

Н. Ф. Алефиренко выделяет в качестве ведущих свойств концепта такие, как «**отсутствие жестко детерминированной связи с реальной действительностью**» и «**неподчинение законам логики**» [2:59–67]. Мы предлагаем называть данный ДП концепта **номинативной адекватностью**, а параметр комплексного анализа – индексом номинативной адекватности.

Важным дифференциальным признаком концепта становится его **деривационная активность**. Деривационная активность сопряжена со **словообразовательными возможностями слова**, то есть межсловной мотивированностью [3:42], например: *звезда* – *звездность*, *луна* – *луноликий*, *лунность*, и **степенью активности тропов и фигур речи**, вербализующих данный концепт (об этом подробнее будет сказано ниже), т. е. внутрисловной мотивацией [3:42], его лексико-семантической мотивированностью, например, *звезда* как символ *судьбы*, *луч* как символ *надежды*. Кроме того, тропы и фигуры, наряду с сочетаемостью выявляют **круг ассоциаций** концепта, его **коннотативный ореол**.

Обобщая сказанное выше, отметим, что выявление релевантных дифференциальных признаков и параметров комплексного анализа концепта – это основные вехи авторской методики комплексного ана-

лиза семантической категории, которая позволяет установить концептуальный статус понятия, выявить концептуализированные части семантических полей.

1. Александрова З. Е. Словарь синонимов русского языка. М. : Русский язык, 1989.
2. Алефиренко Н. Ф. Спорные проблемы семантики : монография. Волгоград : Перемена, 1999.
3. Аркадьева Т. Г. Дезтимологизация и ее обусловленность в русском языке : дис... канд. филол. наук. Л., 1989.
4. Арутюнова Н. Д. Введение // Логический анализ языка: Ментальные действия. М. : Наука, 1993.
5. Арутюнова Н. Д. Образ. Метафора. Символ. Знак (эскиз концептуального анализа) // *Metody formalne w opisie języków słowiańskich / Pod red. Z. Saloniego*. Białystok: ROZPRAWY UNIWERSYTETU WARZAWSKIEGO, 1990. С. 83 – 89.
6. Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание. М. : Русские словари, 1996.
7. Евсюкова Т. В. Лингвокультурологическая концепция словаря культуры : автореф. дис... д-ра филол. наук. Нальчик, 2002.
8. Емельянова О. Н. Символ // Культура русской речи: Энциклопедический словарь-справочник / под ред. Л. Ю. Иванова, А. П. Сковородникова, Е. Н. Ширяева и др. М. : Флинта: Наука, 2003. С. 616–617.
9. Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград : Перемена, 2002.
10. Кравченко А. И. Культурология. М. : Академический проспект, 2001.
11. Красавский Н. А. Эмоциональные концепты в немецкой и русской лингвокультурах. Волгоград : Перемена, 2001.
12. Лотман Ю. М. Символ в системе культуры // Лотман Ю. М. Внутри мыслящих миров: человек – текст – семиосфера – история. М. : Языки русской культуры, 1996. С.146–160.
13. Потебня А. А. Мысль и язык. М. : Лабиринт, 1999.
14. Словарь синонимов : справочное пособие. М. : ТОМ, 1997. 648 с.
15. Степанов Ю. С. Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования. М. : Школа «Языки русской культуры», 1997.
16. Тахо-Годи А. А., Лосев А. Ф. Греческая культура в мифах, символах и терминах. СПб. : Алетейя, 1999.
17. Токарев Г. В. Концепт как объект лингвокультурологии (На материале репрезентаций концепта «труд» в русском языке) : монография. Волгоград : Перемена, 2003.